

Назмутдинова Ирина Константиновна

**СТОЛ И ЕГО СЕМИОТИЧЕСКИЙ СТАТУС В ТРАДИЦИОННОМ ЖИЛОМ ПРОСТРАНСТВЕ
УДМУРТОВ**

В статье раскрывается лексико-семантическое значение слова "стол", выявляется семиотический статус данного предмета мебели в организации традиционного жилого пространства удмуртов и степень знания современниками норм, связанных с символическим обозначением стола. Предлагаемая работа является первой попыткой анализа места и роли стола в традиционном сознании удмуртов, впервые рассматривается влияние сакральных, канонизированных представлений народа на данный предмет мебели.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/42.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 398.344(=511.131)

В статье раскрывается лексико-семантическое значение слова «стол», выявляется семиотический статус данного предмета мебели в организации традиционного жилого пространства удмуртов и степень знания современниками норм, связанных с символическим обозначением стола. Предлагаемая работа является первой попыткой анализа места и роли стола в традиционном сознании удмуртов, впервые рассматривается влияние сакральных, канонизированных представлений народа на данный предмет мебели.

Ключевые слова и фразы: стол; передний угол; лексико-семантическое значение; семиотический статус стола; поверья; хлеб; «берекет».

Ирина Константиновна Назмутдинова

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральское отделение Российской академии наук

nazm-irina@yandex.ru

СТОЛ И ЕГО СЕМИОТИЧЕСКИЙ СТАТУС В ТРАДИЦИОННОМ ЖИЛОМ ПРОСТРАНСТВЕ УДМУРТОВ[©]

В век глобализации и унификации культур, теснейшего социально-экономического и общественно-политического взаимодействия не только между ведущими мировыми державами, но и союзами государств, важнейшей проблемой становится их успешное взаимовыгодное сотрудничество, достижение консенсуса по многим жизненно важным вопросам. По сути, речь идет о коммуникативной составляющей повседневности. Свидетельством тому являются издания последних лет по деловому этикету, искусству телефонных переговоров, мастерству убеждения аудитории, особенностям корпоративной культуры и т.д. Таким образом, проблема общения, выстраивания конструктивного диалога и достижения взаимной договоренности в современном обществе актуальна как никогда.

Стол как предмет интерьера в коммуникациях людей играет достаточно важную роль. Он объединяет людей в единое пространство, открывает возможность для диалога и эмоционального сближения, будь это «стол переговоров», за которым решаются наиболее злободневные вопросы, или праздничный – для гостей, собирающий круг родственников, соседей или друзей. В данном контексте это – место встречи людей, их единения и сплочения.

В предпринятом исследовании мы попытаемся определить лексико-семантическое значение стола, его семиотический статус в организации традиционного жилого пространства удмуртов и выявить знание современниками норм, связанных с символическим обозначением стола.

Для реализации цели выбраны историко-генетический и историко-сравнительный методы, а также анализ и синтез.

Ареал исследования охватывает Базинский, Кезский, Вавожский, Завьяловский, Алнашский, Граховский районы Удмуртской Республики и зону компактного проживания закамских удмуртов (Янаульский, Татышлинский районы Башкортостана и Куединский район Пермского края). Впервые термин «закамские» ввел земский врач Н. И. Тезяков в работе «Вотяки Больше-Гондырской волости» (1892 г.). Группа получила свое название по географическому расположению относительно территории Удмуртии: она локализована на левом берегу Камы, т.е. «за Камой» [10, с. 3].

Основой статьи послужили два рода источников: фольклорные (поговорки, приметы) и собственно этнографические материалы (свидетельства дореволюционных исследователей о жизни и быте удмуртов, полевые материалы, собранные автором в вышеуказанных районах в 2009-2011 гг.).

Данное исследование построено на методах и принципах, предложенных ведущими семиотиками, профессорами А. К. Байбуриным и А. Л. Топорковым. В своих работах авторы акцентируют внимание на пространственной организации предметов быта в традиционном жилище в «горизонтальном» и «вертикальном» плане, их знаковом содержании, гостевом и застольном этикете.

В первой работе А. К. Байбуриным представлена типологическая характеристика жилищ, в основу которой заложена их ориентированность по сторонам света и внутреннее убранство с выделением наиболее чистой, сакральной части как антипода противоположной, менее значимой в знаковом отношении. Традиционно, с правой стороны от входа, в пространстве между боковой и фасадной стенами, по диагонали от печи находился передний (красный) угол. Он считался самым почетным: там находилась полка с иконами, стоял стол, за которым принимали, угощали, чествовали гостей, там же было место главы семьи. В противоположном по диагонали углу размещалась печь. Пространство слева от нее считалось женским. Так в избе выделяли две половины – мужскую и женскую [2, с. 150].

Историко-этнографическое изучение этикета на обширном материале, включающем в себя фольклорные и языковые источники, записки путешественников и этнографов, проведено в совместной работе А. К. Байбурина и А. Л. Топоркова. К этикетному поведению авторы отнесли жесты, позы, прием гостей, застолье и

другое. Раскрывая гостевой и застольный этикет, ученые обращаются к вопросу семантики предметов быта и пространства, в том числе стоявшего в красном углу стола [3, с. 138].

Результаты историко-сравнительного изучения жилищ народов России нашли отражение в коллективной монографии «Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в.» [11, с. 7]. Учитывая особенности развития жилища в разных физико-географических зонах, авторы выделяют семь крупных регионов от Прибалтики до Дальнего Востока, от севера европейской части до Средней Азии и Закавказья.

В статьях, посвященных жилищам различных народов, проживающих в разных географических поясах, четко прослеживается генезис и развитие традиционных форм жилища, степень сохранения традиций и появления новаций, характер их представленности в современном жилище.

Каждый тематический блок рассматривается по четко обозначенному плану: основные условия развития жилища – исторические, экологические, социально-экономические; усадьба – состав и расположение жилых и хозяйственных построек, связь с поселением; жилой дом – строительный материал и конструкции, декоративное оформление, горизонтальная планировка, интерьер и способы отопления; функции жилых и хозяйственных помещений [Там же].

В региональной удмуртской этнографии также имеются работы, посвященные пространственной организации, внутренней обстановке, декоративному оформлению и особенностям возведения традиционной удмуртской избы, хозяйственно-бытовому назначению типичного сельского двора, ландшафтно-уличной планировке деревень.

Наиболее полным описанием с точки зрения комплексного подхода к изучению удмуртских поселений и обустройства жилища является монография Р. Р. Садикова «Поселения закамских удмуртов», где автор в сравнительном ключе раскрывает особенности организации жизненного пространства различных групп удмуртов, в том числе Закамья. В работе описаны и классифицированы традиционные поселения, жилые, хозяйственно-бытовые, культовые постройки и сооружения, рассмотрена историческая динамика их развития, проанализированы религиозно-мифологические представления и обряды, связанные с ними, их символическая нагрузка, раскрыт заложенный в них духовный смысл, выявлено соотношение традиций и новаций в организации поселений и внутренней планировки жилища [9, с. 4].

Как пишет ученый, в традиционной удмуртской избе стол (*жӧк*) всегда стоял в переднем углу (*тӧро шор*): «Даже можно сказать, что без стола передний угол терял свое значение, так как именно в месте за краем стола, стоящего в переднем углу, *тӧро шор* и находился» [Там же, с. 85]. Автор не только локализовал самое почетное место в доме, но и обозначил неписанные правила рассаживания за столом, действующие в повседневных семейных трапезах и праздничном гостевании: «На *тӧро шор* обычно садятся старики, молодежь туда не усаживают. Данное почетное место накладывает на сидящего там и определенные обязанности. Например, сидящий за столом на *тӧро шор* человек является распорядителем застолья» [Там же]. На удмуртской свадьбе *тӧро* (тысяцкий) выполнял функции и заводилы, и координатора. Их с женой усаживали в переднем углу на подушки. Чаще всего в *тӧро* выбирались либо крестные молодоженов, либо ближайшие родственники.

Во время осенних поминок «*йыр-пыд сӧтон*» (жертва головы и ног) также выбирался *тӧр* (*тӧро*) – самое почетное лицо, выбранное из родственников и восседавшее в красном углу за столом. Он контролировал правильность проведения обряда.

Авторитетный этнограф Г. К. Шкляев также считает, что в удмуртском жилище сакральным центром являлся передний угол, который выполнял две семиотические функции (христианскую и светскую). Святость угла – по мнению автора – определялась отнюдь не только религиозными воззрениями народа, «хотя там и хранились христианские иконы, они не пользовались особым почитанием, и красный угол не выполнял функции алтаря» [18, с. 34-35]. Для этого существовала известная атрибутика в *куа* (*куа/куала* – традиционное, ритуальное святилище; представляет собой небольшую срубную постройку без пола и потолка с открытым очагом). Автор полагает, что почетность переднего угла в большей степени определялась его светским назначением, доказательством чему служит даже термин «*тӧр сэрег*» (*тӧро* – вождь, старейшина, *сэрег* – угол) [Там же, с. 35].

У закамских удмуртов передний угол, так же как и у остальных групп, являлся и светским центром дома, и религиозным: во время домашних молений глава семьи стоял лицом к нему. В настоящее время *тӧр шор* также ассоциируется с южной стороной жилища. Во время молений обращаются на юг.

Искусствовед К. М. Климов проанализировал жилище удмуртов с точки зрения его оформления, использования декоративных изделий и степени насыщенности ими интерьера. В связи с этим им прорабатывался и вопрос о внутренней планировке северо- и южноудмуртской избы. Так, в избе северных удмуртов в углу направо или налево от входа располагалась печь. По диагонали от нее находился передний или красный угол (*тӧр сэрег*, *мудор сэрег*), считавшийся самым чистым и парадным местом в доме. Здесь, как правило, стоял стол, а рядом с ним единственный в доме стул для хозяина дома или почетного гостя [7, с. 47].

В убранстве южноудмуртского жилища, наряду с передним углом и стоящим там столом, существенное место занимали просторные нары, располагавшиеся у передней стены. По мнению ученого, «наличие у южных удмуртов в убранстве дома двух композиционных центров (нары и красный угол) предопределило сложную организацию его интерьера» [Там же, с. 62].

У северных групп удмуртов дом не разделялся на мужскую и женскую части; у южных пространство перед печью, хотя и не огораживалось, называлось женской половиной (*кышно пал*) [14, с. 112].

Прежде чем приступить к непосредственному анализу статуса стола в традиционной культуре, обратимся к значению данного слова. Слово «стол» происходит от праславянской формы, от которой в числе прочего произошло древнерусское *столь* (стол, престол, сидение). Существует также мнение, что окситонированное ударение родительного падежа единственного числа *столá* указывает на то, что это живое производное от *стелю* [15, с. 764-765].

Этимологически близко к анализируемому понятию слово «престол». Оно в православном храме обозначает стол, находящийся в середине алтаря и предназначенный для совершения на нём Евхаристии. Другие значения – украшенный стул или кресло для государя; власть монарха; ангельский чин.

Слово «стол» довольно многозначно. В традиционном понимании это предмет мебели, состоящий из основания и прикрепленной к нему горизонтальной поверхности. В переносном значении этим словом можно обозначить набор блюд, выставленных для угощения (например, поговорка «каков стол, таков и стул» говорит о том, что за хорошим столом и сидеть приятно), либо набор традиционных национальных блюд какого-либо региона (например, Кавказа) или народа (японская, русская, французская кухня), либо отдел какого-либо учреждения, административного заведения – паспортный, адресный «стол».

Итак, слово «стол» может обозначать как конкретный предмет, так и абстрактные, условные понятия. В данном исследовании речь пойдет о столе как о предмете мебели в интерьере удмуртского крестьянства, имеющем высокий семиотический статус как в организации домашнего пространства, так и в окказионально-ритуальной и повседневной составляющей жизни этноса.

Относительно истории появления данного предмета мебели А. К. Байбурин и А. Л. Топорков в монографии «У истоков этикета...» пишут: «Столь привычный для нас высокий стол, несмотря на простоту его конструкции (доска, положенная на ножки или козлы), появился в результате длительного развития; его прообразом могла быть небольшая низко укрепленная доска, которой пользовались при еде, или низкий столик для различных нужд, позднее – и для продуктов питания. У восточных и западных славян вкушение пищи за столом воспринималось как черта правильного, христианского поведения. Соответственно, в целом ряде обрядов, имеющих языческое происхождение, полагалось есть на земле, на полу, на могиле, превращенной в своего рода стол, и т.д.» [3, с. 134].

По свидетельству авторов, «у древних китайцев и у ряда других народов Азии трапеза за высоким столом – привилегия царских особ и лиц, пользующихся особым почетом» [Там же, с. 133]. Наверное, не будет преувеличением предположение о том, что наличие высокого или низкого стола, или вообще его отсутствие продиктованы образом жизни того или иного народа и географической средой обитания. Например, из-за повышенной сейсмологической опасности традиционный японский дом в основе своей представляет конструкцию из деревянных колонн и крыши. Широкая крыша защищает от палящего солнца, а простота и легкость сооружения позволяют в случае разрушения быстро собрать пострадавший дом заново. Стены в японском доме – это лишь заполнение промежутков между колоннами, а столы маленькие и довольно низкие – у них не принято собираться за общим столом. У кочевых народов в недалеком прошлом не было необходимости в высоком столе. Все предметы быта, в том числе и само жилище, должны были быть легкими и разбираемыми. Пол, покрытый циновками, и разостланная прямо на полу скатерть были эквивалентами современных стульев и стола. У большинства народов Азии до сих пор во время еды принято сидеть на полу. В таких случаях люди поступают строго в соответствии с общепринятыми нормами этикета. Значит, этикетной может быть не только ситуация, этикетна и сама организация пространства, в которой происходит «действие». Более того, этикетно и само отношение людей к пространству, утвари, окружающим предметам.

Еще в конце XIX в. первый удмуртский этнограф Г. Е. Верещагин писал: «Мужчины и девушки едят за столом, сидя на лавках, а хозяин дома сидит на стуле, на который никто из женщин не имеет права садиться; бабы и ребятишки едят на лавках у окошек; старики и старухи едят тоже отдельно, из особой посуды» [4, с. 28].

Тõро шор – место хозяина дома. По свидетельству Р. Р. Садикова, место в переднем углу могут занимать только мужчины, женщина сидит там один раз в жизни – на своей свадьбе. Во время свадьбы на *тõро шор* могли сидеть *тõро* с женой, родители жениха и невесты, сами молодые [9, с. 85].

Исследователь, анализируя статус стола, добавляет, что «на столе в переднем углу всегда должен находиться каравай хлеба. Даже если хозяева покидали свой дом, то также на столе оставляли каравай хлеба. Если шли на свадьбу, куда-нибудь уезжали, то присаживались по очереди на *тõро шор* и прикасались к караваю хлеба» [Там же, с. 86]. «*Остэ, Инмаре, жеч мед ветлом*» (Господи, пусть удачной будет поездка) [8, д. 1597, л. 86], – произносили при этом удмурты. Каравай хлеба на столе выполнял охранительную функцию, он как будто благословлял уезжающих в добрый путь. По свидетельству Г. Е. Верещагина, участники свадебного поезда, выехав за ворота, «бросают дар умершим старикам – кусок хлеба – со словами: “*Остэ, кулэмъёс! Эн чертэ, эн мыжтэ*” (Благословите, умершие! Не найдите на нас болезни...)» [5, с. 115-116]. Во многих культурах стол соотносился с идеей пути. «Стол как сакральный центр жилища является и начальной, и конечной точкой любого пути и сам в свернутом виде как бы содержит идею пути», – считают семиотики [3, с. 136].

Когда накрывали стол, первым делом ставили хлеб: «*Куноос жõк сьõры пуксьылэм бере, перваяк басьто нянь, собере гинэ мукет сиёнэз верьяло*» (Гости в начале застолья первым пробуют хлеб, и только потом – остальную пищу), – говорят закамские удмурты, тем самым раскрывая веру в силу хлеба как оберега от порчи. В сочетании с маслом он являлся гарантом успешного завершения начатого дела [8, д. 1597, л. 87].

В пользу высокой семиотичности стола, находящегося в почитаемом переднем углу, говорят и пословицы: «*Өтем куно тёр шорын, Өтьымтэ куно – Өс дорын*» (Званный гость – в красном углу, незванный – у порога), «*Возьмамтэ кунолы азыпаласен жёккышет уг вёлдо*» (Для неожиданного гостя скатерть заранее не стелют), тогда как для ожидаемого/приглашенного гостя всегда накрывают стол, обязательно предлагают угощение.

Филолог М. Г. Атаманов в своей книге о родной деревне среди всего прочего раскрывает и ритуально-обрядовую жизнь, и гостевой этикет удмуртов Граховского района Удмуртской Республики. «Пир, застолье начинается с того, что гостей рассаживают по достоинству, по местам: мужчин на левую сторону (стола), женщин – на правую. Самую уважаемую чету сажают в красный угол, нередко на подушку, а на свадьбе ее главу – распорядителя (*тёр*) – мужа с женой – всегда сажают в красный угол на подушки», – пишет он. Глава семьи усаживается на стуле перед столом, хозяйка с песней, приплясывая, выносит четверть вина (хлебной самогонки), а «сидящие за столом все встают и приветствуют словами: “*Берекет, берекет!*” (изобилие ~ успех ~ спорость)» [1, с. 41].

Схожий обычай бытовал и у удмуртов Завьяловского района. Наиболее уважаемые и почетные гости удостоивались чести сидеть в переднем углу. Дифференциация по полу соблюдалась и здесь: женщины садились на лавку, стоявшую ближе к женской половине дома, мужчины – на прилегающую к стене. Детей в традиционном удмуртском обществе никогда не усаживали за стол со взрослыми. Обычно они играли своей компанией и ели то, что дадут им взрослые, перекусывая на ходу. Родители заранее объясняли детям, что нельзя в гостях выпрашивать угощение, неприлично бегать к столу и просить у взрослых лакомства, в противном случае родителям придется краснеть за них, а детей осудят за невоспитанность. «*Дышетымтэ, сьёраз ортчем пинал*» (Невоспитанный, перешедший все границы ребенок), – сделают заключение присутствующие гости [6, с. 56].

Существовали нормы поведения за столом: «В гостях не следовало много есть и пить, даже если очень голоден, слишком близко сидеть за столом и особенно облокачиваться. Есть полагалось аккуратно, не проливая ни капли и не роняя крошки на пол. Неприличной считалась долгая задержка за столом, но и торопливость тоже не поощрялась. Хозяева сидели за столом, вели неспешные беседы, как правило, не касаясь хозяйственных тем. Сами они практически не ели» [12, с. 24].

Стол выполнял сакральную функцию и при переселении в новый дом. Этнограф Л. С. Христолюбова приводит примеры почтительного отношения к столу и глубокой благодарности гостей за угощение. Она пишет, что во время новоселья, в момент подношения сваренной с гусиным мясом каши, сидящие за столом гости кладут деньги на хлеб, а хозяевам желают благополучия в новом доме. Кто-то с аналогичными пожеланиями вбивает монеты в стол или в матицу, кто-то отдает хозяйке дома [16, с. 50]. У закамских удмуртов говорят: «*Сиём-юэм интые тани понйськом. Рахмат!*» (Кладем за угощение. Спасибо!) [8, д. 1597, л. 86].

Стол в определенных случаях мог служить своеобразным индикатором взаимопонимания людей или символизировать начало какого-либо нового мероприятия. Так, «в Шарканско-Дебесской стороне родители невесты свое согласие (выдать ее замуж) выражали тем, что стелили на стол белую скатерть (дочь сдерживала ее со стола, если была против брака)» [17, с. 17]. При переселении в новый дом с собой брали квашню, на стол стелили белую скатерть, клали каравай хлеба и молились [16, с. 53].

Не только в праздники, но и в будни удмурты демонстрировали почтительное отношение к столу. Одна из наших респонденток из Пермского края (Р. Ш. Назмутдинова, 1940 г.р.) на вопрос «что значит для Вас стол?» ответила: «*Со артык бадзым луэ корка пушкын. Жёк сьёрын уг яра кесяськыны, куаретыны, уг яра отчы мыжганы, чабкылыны но йыганы, берекет быре. Трос сиён-юон мед луоз жёк вылын*» (Он самый уважаемый в доме (из мебели). За столом нельзя кричать, ссориться, бить кулаком по столу, стучать, не будет берекета. Пусть стол будет полон яств) [8, д. 1597, л. 85]. Собеседница из Вавожского района УР (Г. С. Зайцева, 1933 г.р.) практически сказала то же самое: «*Жёклэн вань аслаз кузёз Берекет. Жёке мыжгид ке, солэн вожез потоз. Тыр сиёнэд но уз лу*» (У стола есть свой хозяин. Его зовут Берекет. Если ударишь кулаком по столу, он рассердится и не будет достатка в еде) [Там же, д. 1553, л. 89].

В объяснение слова «берекет» каждая из женщин вкладывала свой смысл. В первом случае из контекста можно понять, что слово «берекет» – нарицательное и, скорее всего, является продуктом контаминации слов «достаток», «изобилие», «благополучие», во втором – речь идет о некоем хозяине стола, именуемом Берекет. Аналогичны наблюдения народного художника С. Виноградова: «*Туж кемалась вашкала даурёсы адымиос дунне вылысь вань арбериос шоры улэп, луло макеос шоры кадь учко вал. Жёкез но сыёен адёо вылэм шуыса валаны луэ. Солэн кукъёсыз но, кышетэз но (жёккышет) вань бере, йырыз но, лулыз но вань кожало вылэм*». (В древности люди считали, что все окружающие предметы наделены душой. Стол также считали одушевленным предметом. Если у него есть ноги, платок (скатерть), значит, и голова, и душа должны быть) (перевод на рус. яз. – И. Н.) [6, с. 54]. Удмурты запрещали пинать ножки стола, разбивать яйцо ударом об стол, так как он тоже живой и как люди испытывает боль. Были табуированы любые действия, связанные с личной гигиеной человека: стричь ногти над столом, расчесывать волосы, громко сморкаться. Строго порицалось употребление нецензурных слов за столом, любителя непристойных выражений осуждали, при необходимости публично делали замечание.

На поминальном вечере принесенная еда ставится на стол строго с левого конца. Гостевой и повседневный этикет подобные действия запрещает, люди могут подумать, что ты желаешь им зла: пытаешься накормить как мертвых [Там же, с. 56]. В вечер поминок детям раздаются яйца. Их задача – разбить его,

стукнув о лоб кого-нибудь из пожилых людей. Если у ребенка не получается, тогда взрослые разрешают разбить яйцо об угол стола. Поскольку стол считается одушевленным, он тоже принимает участие в ритуальных действиях [Там же, с. 54].

Существовали приметы и поверья, связанные со столом: из-за стола нужно выйти с той стороны, с которой зашел, в противном случае нарожаешь «целый стол» ребятишек; если маленький ребенок, будучи на руках у мамы, кладет ноги на стол, значит, год будет урожайный; если в гостях посадили за стол, не спеши после трапезы вставать и уходить – унесешь достаток, а хозяева могут подумать о непочтительном отношении к ним, нельзя шапку класть на стол – денег не будет; нельзя сидеть на столе – это признак неуважения, в таких случаях удмурты говорят, что человек нечист «тем местом», которым садится; если со стола вдруг упадет кусочек хлеба, мяса или другой вид еды, нельзя его поднимать и есть: это души умерших проголодались, это «их» кусок; нельзя вытирать стол руками – к бедности; девушке нельзя садиться в угол стола, иначе долго не выйдет замуж, иногда уточняют – в течение 7 лет; нельзя нож держать на столе, особенно оставлять на ночь, нечистая сила может воспользоваться им; нельзя класть ложку, оперев ее одним концом в край тарелки: нечистая сила поднимется по ней и заговорит пищу и т.д.

Чтобы выяснить, в какой степени современная молодежь знает застольный этикет, народные воззрения, связанные со столом, традиции, связанные с ним, было проведено небольшое исследование среди учащихся удмуртской национальности Можгинского педагогического колледжа. Многие респонденты отметили, что за столом нельзя кричать, ругаться, драться, бить по столу, сидеть в головном уборе. Молодое поколение знает о том, что нельзя поднимать упавшие со стола крошки – они предназначаются душам умерших, которые тоже хотят есть. В детстве, по словам учащихся, родители запрещали им приставать к взрослым во время застолья, плакать и капризничать при чужих людях. Стол всегда должен быть чистым, на нем должны быть хлеб и соль, «самым первым на стол принято ставить хлеб», – констатируют юные собеседники. Им известны и приметы, связанные со столом: нож, лежащий на столе, не должен быть направлен острием на сидящего – он подвергается опасности; нельзя вытирать со стола руками или бумагой – к бедности и т.д. Некоторые ответы отличаются высоким пониманием природы вещей: «Стол – это рука Божья, потому нельзя по нему стучать сильно, за ним браниться, вставать на него ногами», «перед тем как сесть за стол, мы читаем молитвы», «стол, наверное, главное в доме удмурта. Удмурт всегда напоит и накормит». Так, учащиеся не только знают и воспроизводят информацию, воспринятую от старшего поколения, но и чтят традиции уважительного обращения со столом.

В целом, проанализированный материал позволяет утверждать, что стол в традиционном удмуртском обществе обладал высоким семиотическим статусом. Без него немыслим передний угол как семиотический центр дома, основание, объединяющее членов семьи и круг родственников. За стол садились согласно принятым правилам, соблюдая гендерные, возрастные, социальные статусы. Свои правила этикета существовали при приеме гостей.

Традиция уважительного отношения к столу идет из глубины веков. Через приметы, поверья, правила поведения старшее поколение передает младшему основы духовного мироощущения и нравственного отношения не только к окружающему миру, но и маленькому микрокосму – жилищу – со всеми предметами в нем. Современная молодежь, в свою очередь, впитывает и воспроизводит эти основы в повседневности.

Список литературы

1. Атаманов-Эграпи М. Г. Песни и сказы ушедших эпох // Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.
2. Байбурин А. К. Жилища в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 192 с.
3. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 166 с.
4. Верещагин Г. Е. Собр. соч.: в 6-ти т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. Т. 1. Вотяки Сосновского края / отв. за выпуск Г. А. Никитина. 260 с.
5. Верещагин Г. Е. Собр. соч.: в 6-ти т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. Т. 2. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / отв. за выпуск Л. С. Христолюбова. 204 с.
6. Виноградов С. Жоккышеттэ вӧлды али... Жоккыыл пуктон сямъёс // Кенеш. 2007. № 10. С. 54-56.
7. Климов К. М. Удмуртское народное искусство. Ижевск: Удмуртия, 1988. 200 с.
8. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (НОА УИИЯЛ УрО РАН). РФ. Оп. 2-Н.
9. Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов: материальный и духовный аспекты. Уфа: Гилем, 2001. 180 с.
10. Тезяков Н. И. Вотяки Больше-Гондырской волости: медико-статистический и антропологический очерк. Чернигов: Земская типография, 1892. 87 с.
11. Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М.: Наука, 1997. 396 с.
12. Трофимова Е. Я. Гостевой этикет удмуртов: к постановке проблемы // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. С. 18-27.
13. Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки / сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.
14. Удмурты: историко-этнографические очерки / научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. 392 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд-е 2-е, стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
16. Христолюбова Л. С. Калык сямъёсты чакласа: Дышетскисьёслы краеведения юрттэт. Ижевск: Удмуртия, 1995. 212 с.
17. Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления. Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
18. Шкляев Г. К. Обряды и поверья удмуртов, связанные с жилищем // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. С. 28-43.

TABLE AND ITS SEMIOTIC STATUS IN THE UDMURTS' TRADITIONAL LIVING SPACE

Irina Konstantinovna Nazmutdinova*Udmurt Institute of History, Language and Literature
Russian Academy of Sciences (Branch) in Ural
nazm-irina@yandex.ru*

The author considers the lexical-semantic meaning of the word “table”, reveals the semiotic status of the given piece of furniture in the Udmurts' living space traditional organization and the degree of contemporaries' awareness concerning the norms related to table symbolic designation, undertakes the first attempt to analyze its role and place in the Udmurts' traditional consciousness, and for the first time discusses the people's sacred, canonized views influence on this piece of furniture.

Key words and phrases: table; front corner; lexical-semantic meaning; table semiotic status; beliefs; bread; “bereket”.

УДК 378.141

В статье рассматривается политика советского государства 1960-х – начала 1980-х гг. в сфере комплектования студенческого контингента, выявлены причины смены политического курса по привлечению производственников на обучение в вузы Волгограда, а также дана характеристика приема студентов на дневные, заочные и вечерние формы обучения.

Ключевые слова и фразы: контингент студентов; вечерний факультет; отделение заочного обучения; подготовительное отделение.

Алла Николаевна Николаенко*Кафедра истории России
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
al_ni86@mail.ru***ФОРМИРОВАНИЕ КОНТИНГЕНТА БУДУЩИХ СТУДЕНТОВ
В ВУЗАХ ВОЛГОГРАДА В 1960-Х – НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.®**

В 1960-х – начале 1980-х гг. процесс формирования контингента будущих студентов находился под контролем советской власти. Основу планирования этого процесса составляли ежегодные планы приема на первый курс в вузы СССР, которые рассматривали и утверждали Госплан и Министерство высшего и среднего специального образования, исходя из контрольных цифр подготовки специалистов для всех отраслей народного хозяйства и культуры, утвержденных в планах развития народного хозяйства СССР на определенный период.

В исторической науке комплексного исследования по проблеме формирования контингента будущих студентов в 1960-х – начале 1980-х гг. проведено не было. В работах Е. С. Самойловой, Л. Г. Свинцовой, Н. И. Фещенко [16-18] уделено внимание социальному, национальному и партийному составу студентов, принятых на обучение в вузы СССР.

Обращение к опыту 1960-х – начала 1980-х гг. представляет особую важность в связи с необходимостью поиска путей преодоления существующего разрыва между потребностью общества в специалистах с высшим образованием и личным желанием молодежи. В СССР практика подготовки специалистов осуществлялась, исходя из потребностей народного хозяйства в квалифицированных кадрах, что гарантировало трудоустройство выпускников в соответствии с полученной специальностью. В современной России абитуриенты свободны в выборе будущей профессии, однако зачастую большинство специалистов с высшим образованием не могут устроиться на работу по профилю. В РФ лишь 12% выпускников работают по специальности [12].

В рассматриваемый период в Волгограде из эвакуации вернулись и вновь были отстроены ряд институтов – педагогический (далее – ВГПИ) (1949 г.), механический (далее – ВПИ) (1945 г.), сельскохозяйственный (далее – ВГСХ) (1944 г.), медицинский (далее – ВГМИ) (1943 г.), институт инженеров городского хозяйства (далее – ВГИИГХ) (1952 г.), институт физической культуры (далее – ВГИФК) (1960 г.), а в 1967 г. для обеспечения квалифицированными кадрами органов милиции начала работу Высшая следственная школа.

В 1958 г. Советом министров СССР было принято постановление «Об укреплении связи с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования СССР», в соответствии с которым был взят курс на развитие вечернего и заочного образования. Преимущественным правом поступления на заочные и вечерние отделения пользовались лица, проработавшие не менее 2 лет в различных отраслях народного хозяйства, а также демобилизованные из советской армии и военно-морского флота [1, с. 86].

В Волгограде и области в начале 1960-х гг. бурное развитие получила промышленность (на юге области был построен нефтеперерабатывающий завод, строился химкомбинат; в Кировском районе города было